
ФОЛЬКЛОР В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА

Научная статья

УДК 398:82–42(571.56+571.65)

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-52-60

Якутский фольклор в художественном очерке Тэки Одулока «На Крайнем Севере»

Т. В. Краюшкина

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Аннотация

Исследуются якутский фольклор и особенности его бытования, зафиксированные в художественном очерке Тэки Одулока «На Крайнем Севере». Выявлены десять эпизодов, в которых присутствуют включения произведений устного народного творчества, их фрагментов или упоминаний о них. Обращение к якутскому фольклору второй половины XIX–XX вв. подтверждает достоверность приведенных в очерке включений. Сделаны выводы об их особенностях, в числе которых довольно разнообразная жанровая палитра якутского устного народного творчества, незначительное количество указаний на национальную принадлежность текстов и их жанровую природу. Все это отражает реальную картину бытования фольклора, в том числе и 1920-х гг., свидетельствуя о таких его особенностях, как гибкость, способность конкретных произведений устного народного творчества входить в тот или иной национальный фольклорный фонд.

Ключевые слова

якутский фольклор, бытование фольклора, юкагирская художественная литература, Тэки Одулок, художественный очерк «На Крайнем Севере»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН (FWMU-2026-0012: «Этническое многообразие в социокультурной динамике Дальнего Востока России и стран АТР»).

Для цитирования

Краюшкина Т. В. Якутский фольклор в художественном очерке Тэки Одулока «На Крайнем Севере» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1. С. 52–60. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-52-60

Yakut Folklore in the literary essay “In the Far North” by Teki Odulok

T. V. Krayushkina

Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract

This article examines the representation and social functioning of Yakut folklore as documented in the artistic essay “In the Far North” by Teki Odulok. The study identifies ten specific episodes containing folklore inclusions, ranging from direct fragments of oral tradition to narrative references. By comparing these instances with established records of Yakut folklore from the late 19th and early 20th centuries, the author confirms the authenticity of the folklore material presented in the essay. The analysis highlights a diverse genre palette, although the text often lacks explicit markers of national or genre identity. This absence of formal categorization reflects the actual “living tradition” of the 1920s, characterized by cultural flexibility and the seamless integration of Yakut oral tradition into the daily lives of various indigenous groups in the Far North. For Teki Odulok, the narrative content and imagery of folklore are prioritized over formal ethnographic classification. Ultimately, the essay serves as a vital record of a period when Yakut folklore functioned as a shared cultural

© Т. В. Краюшкина, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

fund, transcending ethnic boundaries and forming an integral part of the regional social fabric. The findings emphasize that Odulok's work is not only a literary achievement but also a significant ethnographical source for studying inter-ethnic cultural exchange in Northern Siberia.

Keywords

Yakut folklore, the existence of folklore, Yukaghir fiction, Teki Odulok, the literary essay "In the Far North"

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the state assignment of the FEB RAS IHAЕ (FWMU-2026-0012: "Ethnic diversity in the socio-cultural dynamics of the Russian Far East and the Asia-Pacific countries").

For citation

Krayushkina T. V. Yakutskiy fol'klor v khudozhestvennom ocherke Teki Oduloka "Na Kraynem Severe" [Yakut Folklore in the literary essay "In the Far North" by Teki Odulok]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 52–60. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-52-60

*120-летию со дня рождения первого юкагирского писателя
Н. И. Спиридонова (Тэки Одулока) посвящается*

Введение

Тэки Одулок (Н. И. Спиридонов; 22.05.1906–17.03.1938; по другим сведениям – 14.04.1938) – один из выдающихся представителей народов Крайнего Севера: «великий сын юкагирского народа, основоположник юкагирской литературы, кандидат экономических наук – первый ученый, первый писатель из народов Севера, крупный общественный деятель» [Огорокова 2013: 11]. В 1930 г. было опубликовано вышедшее из-под его пера этнографическое исследование «Одулы (юкагиры) Колымского округа», в 1933 г. – первое художественное произведение – очерк «На Крайнем Севере», в 1934 г. издана повесть «Жизнь Имтеургина-старшего». В основу указанных произведений легли материалы, собранные автором во время экспедиции на Крайний Север 1927–1928 гг. [Там же: 13].

В. Б. Огорокова, говоря о повести «Жизнь Имтеургина-старшего», в числе особенностей литератур народов Севера отмечает «умелое использование фольклорных мотивов» [Огорокова 1997: 6]. Однако, анализируя очерк «На Крайнем Севере», исследовательница о фольклорных элементах не упоминает, сосредотачивая внимание на других аспектах: «Тэки Одулок с большим знанием и правдиво описал обычаи, быт, жизнь и проблемы северян» [Там же].

Э. С. Атласова, исследуя фольклорные мотивы в произведениях юкагирских писателей, делает акцент на фольклорных жанрах, обозначает их наличие в двух произведениях Тэки Одулока: «Все перечисленные жанры использовали в своих произведениях такие выдающиеся юкагирские писатели, как Тэки Одулок – первый юкагирский писатель, в повести "Жизнь Имтеургина – старшего" и в очерке "На Крайнем Севере"» [Атласова 2016: 77].

М. В. Осипова в числе забытых фактов жизни Тэки Одулока упоминает и о фиксации фольклора: «...именно им была записана распространенная по всей Колыме и среди юкагиров, и среди чукчей, и среди якутов сказка о Каканке» [Осипова 2017: 29]. Ж. В. Бурцева, обращаясь к проблемам жанра и литературного картирования на примере путевого очерка Тэки Одулока «На Крайнем Севере», приводит перечень элементов, среди которых упоминает и фольклорные: «Текст построен по законам дневниковой нарративной композиции с документальными, публицистическими, научными, картографическими, этнографическими, историко-культурными, природно-климатическими, фольклорными, лирическими, мемуарными и автобиографическими элементами» [Бурцева 2020: 127]. Легенду исследовательница называет в числе таких элементов, как умозаключение, замечание, история, лирическое отступление, дающих Тэки Одулоку возможность остановить «естественный ход повествования» [Там же: 129].

Т. В. Третьякова, исследуя жанр путевого очерка, выделяет в произведении Тэки Одулока только одно фольклорное включение – фрагмент хороводной песни русского старожильческого населения «Бояре», отмечая предшествующее ему описание истории, культуры и языка поречан [Третьякова 2024: 181–182].

Обращение к исследовательской литературе показало, что о фольклоре, представленном в очерке Тэки Одулока, упоминалось лишь как об одном из компонентов поэтики художественного произведения. При этом устное народное творчество, и якутское в частности, еще не становилось предметом специального рассмотрения¹. Цель данной статьи связана с выявлением включений якутского фольклора и особенностей его бытования, зафиксированных в очерке «На Крайнем Севере». В этом заключается новизна проведенной работы. Теоретическая составляющая актуальности исследования заключается в необходимости осмысления жанра художественного очерка как своеобразного способа фиксации устного народного творчества, практическая – в необходимости возрождения и сохранения традиционного культурного наследия коренных народов Крайнего Севера России. Материалом для исследования послужил очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере», объект исследования – фольклор народов Крайнего Севера, запечатленный в очерке, предмет исследования – фольклор якутов.

Основная часть

В очерке «На Крайнем Севере», состоящем из 12 глав, Тэки Одулок обращается к прозаическим и песенным фольклорным жанрам, при этом не обделяет вниманием и малые формы. Он цитирует или упоминает произведения устного народного творчества чукчей, поречан, одулов, якутов, коряков. Это мифы, заклинания, благопожелания, предания, былины, баллады, песни, хоропроводные песни, игры, частушки, устные рассказы, пословицы. Встречаются и факты единичного употребления конкретного жанра (например, частушки).

Обращаясь к фольклору чукчей (он встречается в третьей главе «Дежнево (Чукотская земля)») или устному народному творчеству поречан (о нем говорится в четвертой «На севере Колымы» и пятой главах «Город Среднеколымск»), Тэки Одулок точно указывает на национальную принадлежность исполнителей, при этом с якутским устным народным творчеством дело обстоит сложнее. В очерке выявлено десять упоминаний или обращений к нему (в пятой главе «Город Среднеколымск», шестой «Верхнеколымск, река Ясачная», седьмой «Одулы реки Шаманкино», десятой «Бургала», одиннадцатой «Балыгычан», двенадцатой «Сеймчан»), однако в ряде случаев точное указание на национальность исполнителей или отнесенность к якутскому фольклору отсутствуют и могут быть определены лишь опосредованно.

Нельзя обойти вниманием автобиографию, которую приводит Тэки Одулок в повести «Жизнь Имтеургина-старшего», поскольку в ней содержатся указания на знакомство в детские годы первого юкагирского писателя с традиционной культурой якутов, русских, чукчей. Вспоминая родную семью, писатель говорит о голоде: *«В одну из ... голоденок меня отвезли ... в город Среднеколымск. Там я жил у чужих людей – сначала у русских, потом у якутских купцов. ... В Среднеколымске я хорошо узнал, как живут русские поречане и якуты. ... Потом, когда я подрос, я стал ездить к чукчам с моими хозяевами – купцами русскими и якутскими. В дороге я был у них каюром – собачьим кучером»* [Тэки Одулок 1987а: 19–20].

Первое упоминание о якутском фольклоре встречается в главе «Город Среднеколымск». Тэки Одулок селится в юрте якута Бардялытара и обращает внимание, что *«теща хозяина, Бучугурас, как-то сторонится»* [Там же: 149] его. Другой якут, Лука, сообщает, что эта семья больна проказой, в том числе, видимо, болен и сам Бардялытар. Отнесенность жанра к якутскому фольклору может быть определена по национальной принадлежности Бардялытара. Так, он рассказывает о лечении проказы: *«Потом обращался к шаману. Он читал какие-то заклинания, взывал к своим духам, обсасывал палец ртом – ничего не помогло»* [Там же]. Единственные сведения о фольклоре, представленные в рассказе Бардялытара, адресованном автору, – это указание на множественное число текстов и их неконкретность, которые очевидны из описания: *«какие-то заклинания»* [Там же]. Отсутствие указания на национальную принадлежность шамана позволяет предположить в нем якута.

Более подробно автор обращается к жанру заклинания в следующей главе – «Верхнеколымск, река Ясачная» (по очередности это четвертый эпизод, посвященный якутскому фольклору). Якут Печур рассказал своей жене Кырнас сон, она *«все время вздрагивала и думала, что все это навеяно “духом”»* [Там же: 180]. Исследователь А. Е. Кулаковский, якут по национальности, в 1923

¹ Исключение составляет наша статья «Фольклор чукчей и русского старожильческого населения Крайнего Севера (на материале художественного очерка Тэки Одулока)» [Краюшкина 2026].

г. отмечал: «Якуты ... верят в сны» [Кулаковский 1923: 66]. И в рассмотренном выше, и в данном эпизоде обращение к заклинаниям связано с упоминанием духов. *«Когда муж кончил свой рассказ, она встала и, подливая в огонь масла, стала заклинать:*

*Огонь мой, огонь, дедушка огонь!
Услышь меня. Это я говорю!
Я, я, я – дочка Лохматого, Косолапого.
Береги моего мужа-человека
От худых слов, от острых глаз,
От беспутной луны.
Не води его по подземным рекам,
Где половинное солнце,
Кривая вторая луна!»* [Тэки Одулок 1987б: 180]

Заклинанию предшествовало жертвоприношение. А. Е. Кулаковский писал: «При всяком выдающемся случае жизни, при всяком торжестве или радостном событии должно почтить ... [хозяина огня – Т. К.] жертвоприношением...: бросают в огонь из лучших частей съедобного или вливают масло» [Кулаковский 1923: 29]. О принесении масла в жертву огню говорится и в исследуемом очерке. Достоверным представляется также текст заклинания. В нем обозначено обращение к духу огня. Похожие обращения присутствуют в заклинаниях, зафиксированных в 1945 г. в Абыйском районе: *«мой старик-дедушка»* [Обрядовая поэзия 2003: 213, 449], в 1938 г. в Вилуйском районе: *«мой дедушка»* [Там же: 217, 450], в 1986 г. в Сунтарском улусе [Там же: 221, 451].

После текста заклинания Тэки Одулок вводит в очерк описание состояния Кырнас, изображая его как одержимость духами: *«После таких заклинаний она обычно впадала в истерику, впускала в себя целый легион всяких духов, и, одержимая ими, носилась по юрте и по двору до тех пор, пока ее не ловили и не скручивали руки, ноги ремнями и пока шаман не совершал над ней процедуру изгнания духов»* [Тэки Одулок 1987б: 180].

Третье, пятое, шестое и седьмое обращения к якутскому фольклору связаны с верованиями в духов. В главе «Город Среднеколымск» Тэки Одулок указывает на место пребывания духов (третий эпизод). Якут Лука, в жилище которого поселился писатель, дает пояснение, почему раскачиваются вершины лиственниц: *«Должно быть, ... духи садятся на вершины, а деревья, желая сбросить их, качаются»* [Там же: 150]. Предваряет это высказывание мнение автора о причинах возникновения подобного верования: *«Такие явления [раскачивающиеся макушки деревьев в безветренную погоду – Т. К.] наводят неграмотных жителей Севера на всякого рода догадки и даже внушают страх»* [Там же]. В данном эпизоде присутствие автора четко не обозначено, неясно также, сам ли Лука решил сообщить Тэки Одулоку о причинах подобного явления или же пояснению предшествовал вопрос автора.

Описывая строение юрты (глава «Верхнеколымск, река Ясачная»; пятый эпизод, где возникает апелляция к якутскому фольклору), Тэки Одулок обращается к образам духов-мужчин, связывая с ними особенности якутского жилища: *«Передняя правая и половина левой стороны юрты бывают заняты нарами ... с большим уклоном к “огню” ... Этот уклон делается для того, чтобы облегчить девушкам и женщинам, занявшим место у стены, борьбу со злым “мужчиной-духом”, который залезет к ним под одеяло»* [Там же: 183]. Данный фольклорный элемент включен в авторскую речь.

Показателен шестой эпизод, в котором говорится о духах, поскольку он напрямую связан с практикой трансляции якутских верований представителям другого народа, и в этот раз речь идет не о Тэки Одулоке. Старик-одул Хорини (глава «Одулы реки Шаманкино») рассказывает автору о болезни своей дочери: *«Проезжавшие осенью якуты-охотники говорили, что злой дух залез в нее и грызет ее горло, грудь, бока и поясницу»* [Там же: 201]. Важно в этом фрагменте то, что один одул сообщает другому одулу мнение якутов как авторитетного источника, принимая картину мира якутов как значимую и заслуживающую доверия.

Лишь в седьмом эпизоде (глава «Бургала») Тэки Одулок упоминает разновидность духов (в пятом лишь подразумевалась половая принадлежность духов, их разновидность не называ-

лась). Автор, комментируя рассказ старика-одула Бургачана о жадном якутском купце, сравнивает мировоззрения якутов и одулов: «*Якуты, в противоположность юкагирам, страшно боятся мертвецов. Всякую болезнь, всякие неприятности они неизменно приписывают действиям духов умерших – юёр, которым обидно, что они умерли, а другие живут*» [Там же: 219]. Юёром в якутской мифологии называется «1) злой дух; 2) душа покойника» [Обрядовая поэзия 2003: 485]. Их вредоносная природа изображается, например, в заклинании на новоселье:

*Дедушка мой Священный огонь!
На Серединной земле
От девяти с закопченными лицами
Неказистых духов-юёров,
Став защитой, обереги.* [Там же: 203]

В благословлении белого шамана на ысыахе говорится о жертвоприношении юёрам:

*Девять старых юёрей (душ),
Сделавшиеся издавна
Владельцами (духами) девяти выдающихся мысов,
С жертвами из конской шкуры,
Стойте, вполне наевшись!* [Там же: 349]

Одно из двух указаний на весь очерк на принадлежность текста к фольклорному фонду якутов встречается во втором эпизоде, посвященном проживанию Тэки Одулока в юрте якута Луки и его жены (глава «Город Среднеколымск»): «*Юрта Луки такая же, как и Бардялытара. Однако уткнулась в гуцу леса на краю небольшого озера, откуда берут воду для питья*» [Тэки Одулок 1987б: 150]. Апеллируя к паремии, Лука дает оценку месту расположения своего жилища: «*Всегда хорошо, когда вода близко, а родня живет подальше, – вспомнил Лука старую якутскую пословицу*» [Там же: 150].

И. А. Худяков, находясь в ссылке в г. Верхоянске (1867–1874) записал подобную пословицу и дал пояснение к ней: «*Хорошо, когда вода близко, а родственники далеко. (Когда бедный рассержен на богатого)*» [Верхоянский сборник 1890: 8]. Эта же паремия была опубликована в сентябре 1925 г., буквально за пару лет до начала экспедиции, описанной в очерке Тэки Одулока, в числе пословиц и поговорок, которые зафиксировал А. Е. Кулаковский (как отмечает сам собиратель, он вел записи на протяжении 25 лет, значительная часть из почти 960 паремий собрана им лично [Якутские пословицы 1925: 3, 6], часть взята из других источников: «20 пословиц из Верхоянского сборника Худякова и из записок баягантайцев Н. Д. Неустроева и Ф. С. Андросова... 50» [Там же: 6]). В издании приведена пословица на якутском языке и ее перевод на русский: «*хорошо, когда далека родня и близка вода*» [Там же: 91]. Подобная пословица включена в сборник Н. Толоконского, опубликованный в 1914 г.: «*Хорошо, когда далека родня и когда близка вода*» [Толоконский 1914: 25]. На обложке сборника значится, что фольклор собран «при ближайшем участии учителя якута А. Кулаковского» [Там же]. Важно и указание на уровень известности пословиц: «...все записанное мною распространено по всей Якутии» [Якутские пословицы 1925: 6–7].

А. Е. Кулаковский заостряет внимание на разнице восприятия между напечатанной в сборнике пословицей и ею же, услышанной в быту: «*Читая какой-нибудь сборник пословиц, не можешь в должной мере оценить его достоинств и восхищаться им, так как бываешь подавлен количеством пословиц и отрывочностью мыслей при переходе от одной пословицы к другой. Но в действительной жизни, когда услышишь пословицу, удачно примененную к какому-нибудь случаю или лицу, то не бывает границ удивлению и восхищению*» [Там же: 3]. Именно такое применение якутской пословицы и фиксирует в очерке Тэки Одулок: в разговоре с ним Лука удачно и к месту влетает в свою речь пословицу.

Еще одно конкретное указание на принадлежность текста к якутскому фольклору встречается в восьмом эпизоде. В главе «Балыгычан» Тэки Одулок описывает исполнение песен в юрте богатея-якута Седара. Сравнивая домочадцев Седара с одулами, у которых путешественники останавливались ранее, автор отмечает: «*...на протяжении 700 километров в трех местах мы останавливались у одулов, но у них жуткая нищета, не увидишь улыбки на лицах. А эти смеются*

и даже поют. Поют! Я не слышал песни от самого Нижнего Пропадинска» [Тэки Одулок 1987б: 225]. Кто-то, предположительно сам автор (точного указание в очерке нет), предлагает спеть еще, и один из спутников Тэки Одулока подхватывает идею: «*Давайте споем! – воодушевляется Дельбирге и начинает якутскую песенку о том, что у них – как уголь волосы, как серебро зубы*» [Там же].

Подобные сравнения присутствуют в запеве танца осуохай (записан в 1950 г. в Усть-Алданском районе [Обрядовая поэзия 2003: 479]):

*Угольно-черные волосы
Поседеют, милые,
Блестящие, как серебро, зубы
Выпадут, приятели,
Звонкие чистые голоса
Огрубеют, друзья!* [Там же: 409].

Опосредованным указанием на похожий текст служит последующее в очерке описание, где сравниваются голоса взрослого мужчины и детей: «*Его голос хрипит среди звонких детских голосов*» [Тэки Одулок 1987б: 225].

Девятый эпизод, в котором происходит обращение к якутскому фольклору, появляется в завершающей главе – «Сеймчан». Тэки Одулок так описывает этот водный объект: «*Сеймчан – ...небольшая речка, впадающая в Колыму с левой стороны. При устье ее имеется несколько юрт якутов-скотоводов, деревушки и избушка бывшего священника. Якуты эти явились сюда несколько десятков лет тому назад из-под самого Якутска*» [Там же: 228]. Затем, после исторических сведений, автор переходит к преданию, также работающему на создание достоверного образа населенного пункта. «*Прадедом сеймчанского населения считается шаман Кюпкюй, что значит обрыв-пещера. Он имел семь жен. Его могила лежит на высоком ровном месте среди деревьев*» [Там же: 229].

Предание может быть включено в группу произведений устного народного творчества о заселении северных окраин якутами, прибывшими из Якутска, как, например, предание об Абые [Исторические предания 1960: 56] и Суодьяахе [Там же: 68], о потомках шамана Элгетского улуса [Там же: 56]. В доступных источниках предание о Кюпкюе обнаружено не было. Это позволяет предположить ценность очерка Тэки Одулока, ставшего, возможно, единственным источником данного текста.

В десятом эпизоде наличие фольклорного элемента обозначено условно, особое внимание при этом обратим на следующее: сам автор однозначно видит в приведенном элементе не фольклор, а другое явление, которому он дает ниже подробное объяснение. Событие происходит в селении Сеймчан, Тэки Одулок является непосредственным наблюдателем происходящего. После прогулки автор приходит в гости к Насте-старушке, появляются ребяташки и поднимают «*невообразимый гвалт*»:

– *Гости! Гости пришли!*» [Тэки Одулок 1987б: 231]. Тэки Одулок думает, что гости – это бандиты, и высказывает на улицу, желая «*их встретить “достойно”*» [Там же: 231]. Но вместо людей обнаруживает ворону. «*Тем временем старушка, встревоженная криками, не ожидавшая увидеть ворону, “заэмирячила”, т. е. захлопала в ладоши, запрыгала на месте, изображая походку вороны, и закричала*»:

– *Эй, гости, черные гости, навозные гости! Угощайтесь навозом, съешьте мене... на-ах, на-ах...*

«*Эмиряченье*» – болезнь, названная так доктором Мицкевичем, бывшим в ссылке на Колыме. Это – популярная истерика, которая выражается в произвольном подражании всем неожиданным явлениям, поражающим больную. Этой болезни, как правило, подвержены женщины» [Там же]. Нельзя с полной достоверностью утверждать, что Тэки Одулок привел полный текст приветствия, которое было адресовано Настой-старушкой вороне. Однако даже в приведенном фрагменте можно усмотреть включение якутского фольклора².

² Автор статьи благодарит специалиста в области якутского фольклора канд. филол. наук, старшего научного сотрудника отдела фольклора ИМЛИ РАН С. С. Макарова за высказанное в личной переписке профессиональное мнение: данный эпизод может содержать «что-то близкое шаманскому акту угощения»

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о неоспоримой значимости очерка юкагирского писателя Тэки Одулока в деле сохранения фольклорного наследия коренных народов Крайнего Севера. Обращение к якутскому устному народному творчеству второй половины XIX–XX вв. подтверждает достоверность приведенных в очерке «На Крайнем Севере» текстов классического якутского фольклора или упоминаний о них. Предположительно, часть фольклорных включений может быть признана в настоящее время малоизвестной или вовсе неизвестной, но этому уточнению должно быть посвящено отдельное исследование.

Включения якутского фольклора отличаются рядом особенностей. Во-первых, в очерке «На Крайнем Севере» в зависимости от авторского видения и по мере необходимости представлена довольно разнообразная жанровая палитра якутского фольклора: Тэки Одулок упоминает, пересказывает, цитирует заклинания, мифы и легенды (предположительно), песню, предание, паремию.

Во-вторых, незначительное количество указаний на национальную принадлежность текстов свидетельствует как об уникальности конкретных произведений устного народного творчества, их включенности только в якутский фольклорный фонд (по мнению автора очерка), так и об эрудированности Тэки Одулока, его значительной осведомленности в устном народном творчестве коренных народов Крайнего Севера. Отношение произведений к фонду якутского устного народного творчества определяется большей частью опосредованно – через указание на национальность героев художественного очерка. Все это отражает реальную картину бытования фольклора, в том числе и 1920-х гг., свидетельствуя о таких его особенностях, как гибкость, способность конкретных произведений устного народного творчества входить в тот или иной национальный фольклорный фонд.

В-третьих, жанровая природа произведений часто не называется Тэки Одулоком, их пересказ, обращение к образной системе якутского устного народного творчества доминируют над включениями собственно текстов фольклора или их фрагментов. Для Тэки Одулока важнее содержание фольклорных произведений, чем те или иные характеристики якутского устного народного творчества. Эта особенность может быть связана со спецификой поэтики художественного очерка, а именно стремлением автора осмыслить окружающую действительность, а не только воспроизвести ее.

В-четвертых, Тэки Одулок зафиксировал традицию живого бытования якутского фольклора в 1920-е гг., при которой якутское устное народное творчество является неотделимой стороной обыденной семейной и социальной жизни не только якутов, но и других коренных народов Крайнего Севера.

Список литературы

Атласова Э. С. Фольклорные мотивы в произведениях юкагирских писателей // Научный электронный журнал Меридиан. 2016. № 2 (2). С. 76–81.

Бурцева Ж. В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере»: проблемы жанра и литературного картирования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1 (30). С. 123–130.

Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. Т. 1. Вып. 3. Иркутск: Издан на средства И. М. Сибирякова, 1890. 216 с.

Исторические предания и рассказы якутов в 2 ч. Ч. 2. / изд. подг. Г. У. Эргис под ред. А. А. Попова, отв. ред. Н. В. Емельянов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 350 с.

Краюшкина Т. В. Фольклор чукчей и русского старожильческого населения Крайнего Севера (на материале художественного очерка Тэки Одулока) // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 23–36.

Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск: Типография Н.К.П., 1923. 109 с.

собранных духов». «“На-ах, на-ах” – здесь, вероятно, подражание карканью вороны (якуты обычно говорят “даах-даах”). “Моне” похоже на як. указ. местоим. *маны* ‘это’. Тогда получается: “съешьте это”».

Обрядовая поэзия саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2003. 512 с; ил. + компакт-диск (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 24).

Окорочова В. Б. Литературы народов Севера Якутии: учеб.-метод. пособ. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. 33 с.

Окорочова В. Б. Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. 176 с.

Осипова М. В. Н. И. Спиридонов – Тэки Одулок: забытые факты жизни (по материалам архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 24–32.

Толоконский Н. Якутскія пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, повѣрїя, легенда и другія. Собранныя при ближайшем участіи учителя якута А. Кулаковского. Иркутскъ: Типографія Т-ва «М. П. Окуневъ» и Ко, 1914. 110 с.

Третьякова Т. В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере» – первый травелог начала XX века // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2024. Т. 21. № 1. С. 178–185.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. От автора // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего; На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай: Повести, очерки и стихи / вступ. статья А. К. Михайлова. Якутск: Кн. изд-во, 1987а. С. 19–21.

Тэки Одулок. На Крайнем Севере // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего; На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай: Повести, очерки и стихи / вступ. ст. А. К. Михайлова. Якутск: Кн. изд-во, 1987б. С. 96–236.

Якутские пословицы и поговорки, собранные А. Е. Кулаковским. Якутск: ЯГТ, 1925. 122 с.

References

Atlasova E. S. Fol'klornye motivy v proizvedeniyakh yukagirskikh pisateley [Folklore motifs in the works of Yukaghir writers]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. 2016, no. 2 (2), pp. 76–81. (In Russian)

Burtseva Zh. V. Putevoy ocherk Teki Oduloka “Na Kraynem Severe”: problemy zhanra i literaturnogo kartirovaniya [Travel essay by Teki Odulok “In the Far North”: problems of genre and literary mapping]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2020, no. 1 (30), pp. 123–130. (In Russian)

Istoricheskiye predaniya i rasskazy yakutov v 2 ch. [Historical legends and stories of the Yakuts in 2 pts.]. G. U. Ergis (Comp.), A. A. Popov (Ed.), N. V. Yemel'yanov (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1960, pt. 2, 350 p. (In Russian)

Krayushkina T. V. Fol'klor chukchey i russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Kraynego Severa (na materiale khudozhestvennogo ocherka Teki Oduloka) [Folklore of the Chukchi and the Russian Old-Timers of the Far North (a case study of the artistic essay by Teki Odulok)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 1, pp. 23–36. (In Russian)

Kulakovskiy A. E. *Materialy dlya izucheniya verovaniy yakutov [Materials for studying the beliefs of the Yakuts]*. Yakutsk, Tipografiya N.K.P., 1923, 109 p. (In Russian)

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of the Sakha (Yakuts)]. N. A. Alekseyev, P. E. Yefremov, V. V. Illarionov (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p., ill. + CD-ROM. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 24). (In Russian)

Okorokova V. B. *Literaturnyye narody Severa Yakutii: ucheb.-metod. posob. [Literatures of the Peoples of Northern Yakutia: a teaching and methodological guide]*. Yakutsk, YASU, 1997, 33 p. (In Russian)

Okorokova V. B. *Siyaniye polyarnykh ogney [The lights of the polar lights]*. Yakutsk, Bichik, 2013, 176 p. (In Russian)

Osipova M. V. N. I. Spiridonov – Teki Odulok: zabytyye fakty zhizni (po materialam arkhiva Khabarovskogo kraevogo muzeya im. N. I. Grodekova) [Spiridonov – Teki Odulok: forgotten facts of life (based on the archives of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov)]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017, no. 4 (21), pp. 24–32. (In Russian)

Teki Odulok. Na Kraynem Severe [In the Far North]. In *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego; Na Kraynem Severe. Tarabukin N. Moya zhizn'. Kimonko D. Tam, gde bezhit Sukpay: Povesti, ocherki*

i stikhi [Teki Odulok. *The life of Imteurgin the elder; In the Far North. Tarabukin N. My life. Kimonko D. Where Sukpai runs: novellas, essays, and poems*]. A. K. Mikhaylova (Intr. art.). Yakutsk, Kn. izd., 1987b, pp. 96–236. (In Russian)

Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego. Ot avtora [The Life of Imteurgin the elder. From the author]. In *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego; Na Kraynem Severe. Tarabukin N. Moya zhizn'. Kimonko D. Tam, gde bezhit Sukpay: Povesti, ocherki i stikhi* [Teki Odulok. *The life of Imteurgin the elder; In the Far North. Tarabukin N. My life. Kimonko D. Where Sukpai runs: novellas, essays, and poems*]. A. K. Mikhaylova (Intr. art.). Yakutsk, Kn. izd., 1987a, pp. 19–21. (In Russian)

Tolokonskiy N. Yakutskiya poslovitsy, zagadki, svyatochnyye gadaniya, obryady, povyer'ya, legenda i drugiya. Sobrannyya pri blizhayshem uchastii uchitelya yakuta A. Kluakovskogo [Yakut proverbs, riddles, Christmastide fortune-telling, rituals, beliefs, legends, and others. Collected with the close participation of the Yakut teacher A. Kulakovsky]. Irkutsk, Tip. Tov. "M. P. Okunev" i Ko, 1914, 110 p. (In Russian)

Tret'yakova T. V. Putevoy ocherk Teki Oduloka "Na Kraynem Severe" – pervyy travelog nachala XX veka [Teki Odulok's travelogue "In the Far North" is the first travelogue of the early 20th century]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2024, vol. 21, no. 1, pp. 178–185. (In Russian)

Verkhoyanskiy sbornik: yakutskiye skazki, pesni, zagadki i poslovitsy, a takzhe russkiye skazki i pesni, zapisannyye v Verkhoyanskom okruge I. A. Khudyakovym [Verkhoyansk collection: Yakut fairy tales, songs, riddles, and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district by I. A. Khudyakov]. Irkutsk, Published at the expense of I. M. Sibiryakov, 1890, vol. 1, iss. 3, 216 p. (In Russian)

Yakutskiye poslovitsy i pogovorki, sobrannyye A. E. Kulakovskim [Yakut proverbs and sayings collected by A. E. Kulakovsky]. Yakutsk, YAGT, 1925, 122 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
09.12.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Татьяна Владимировна Краюшкина – доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, заведующая, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Tatiana V. Krayushkina – Doctor of Philology, Professor FEB RAS, Head, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS (Vladivostok, Russia)

kvtpb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-4593>